ГЛАСЪ СѢТУЮЩЕЙ БЛАГОДАРНОСТИ,

которымъ

БЕЗСМЕРТНУЮ ПАМЯТЬ ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО
СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СѴНОДА ЧЛЕНА,
ВЕЛИКАГО ГОСПОДИНА,
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО

ПЛАТОНА,

МИТРОПОЛІТА
МОСКОВСКАГО и КОЛОМЕНСКАГО,
СВЯТО-ТРОИЦКІЯ СЕРГІЕВЫ ЛАѴРЫ
СВЯЩЕННО-АРХИМАНДРІТА,
Орденовъ: Св. Апостола Андрея, Св. Александра Невскаго и Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра первой степени
КАВАЛЕРА,

мудраго Директора и Протектора своего,

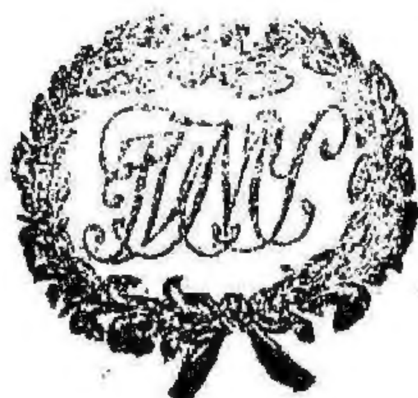
прославляетъ

Московская Славяно-Греко-Латинская Академія,

Ноября 11 дня 1813 года.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.

Печатать позволяется, Ноября 10 дня 1813 года. *Ректоръ, Статскїй Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Геймъ.*

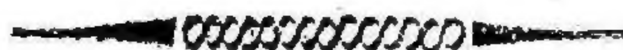
E L E G I A.

Annuus exactis completur mensibus orbis,
Dum PATREM pueris abſtulit atra dies.
Abſtulit atra dies! — gelidus per noſtra cucurrit
Oſsa tremor; — miseri clamque palamque dolent.
Aspice! vix noſtram poteris dignoscere formam,
Vultus abeſt vultû, seque nec ipſe refert.
Lumina ſuffoſsis retro fugêre cavernis,
Magnaque purpureis facta ruina genis. —
Abſtulit atra dies et funere mersit acerbo; —
En moeſti gemitûs singula corda premunt! —
Occubuit saecli decus indelebile noſtri,
Occubuêre ſimul spesque salusque boni.
Quaeque aetas plangit — maerent juvenesque senesque,
Aspicitur toto purpura nulla loco.
Ingemuit noſtris lacrymis Europa, virorum
Magnorum genitrix, ore animoque dolens! —
Perque fluent lacrymae, veluti vaga flumina, vultûs;
Flumina luce fluent, flumina nocte fluent!! —
Pierides! graviore DIEM signate dolore,
Donec erit tellus, sydera donec erunt.
Non, quae praeteriit, cursû revocabitur unda,
Nec, quae praeteriit, hora redire poteſt;
Aſt sua poſteritas debebit multa PLATONI,
Qui revocat ſcriptis aurea ſaecla suis.
Pierides! graviore DIEM ſignate dolore,
Donec erit tellus, sydera donec erunt.
Oppida non altis firmantur moenibus unquam,
Sed modo prudenti Principis arte sui:
Felices noſtri vixêre Heliconis alumni,
Donec iis PATRIS contigit ore frui.
Pierides! graviore DIEM ſignate dolore,

Donec erit tellus, sydera donec erunt.
Japetionidem laudavit coeca vetuſtas,
Qui tulit aethercam solis ab axe facem:
At PLATO major erat, sparſit qui in pectora lumen,
De luce accipiens quâ nitet ipse DEUS.
Pierides! graviore DIEM ſignate dolore,
Donec erit tellus, ſydera donec erunt.
Tu, divine PLATO! coeli sanctiſsima proles!
Nobis praeses eras jusque piumque docens.
Tu clypeus, columen firmum, anchora certa salutis,
Portus, ubi vexat nulla procella ratem.
Pierides! graviore DIEM ſignate dolore,
Donec erit tellus, sydera donec erunt.
Flos nitet in campis Aurorâ mane rubente,
Sed languet serò sole cadente dein:
Sic animi — ingenium poſt ultima fata PLATONIS
Deficiunt triſtes, ac sua damna ferunt.
Pierides! graviore DIEM ſignate dolore,
Donec erit tellus, sydera donec erunt.
Undique consurgunt metuenda pericula natis,
Nos agimur miseri caſibus ambiguis.
Nunc huc, nunc illuc afflicti, utroque feremur,
Et spargit noſtras plurima gutta genas.
Pierides! graviore DIEM ſignate dolore,
Donec erit tellus, sydera donec erunt.
Nil niſi flere libet — par eſt concordia flendi,
Vix capit adjectas alveus altus aquas.
Denique qui noſtros cupit omnes noscere morbos,
Copia quod fieri non ſinit, ille cupit.
Pierides! graviore DIEM signate dolore,
Donec erit tellus, sydera donec erunt.
Occubuit Praeſes, sanctus summusque sacerdos,
Qui coluit magnum pectore et ore DEUM —
Qui puros hominum succendit mentibus ignes,
Qui tam conciliis dulcia fatus erat.

Occubuit — quid in his delectet vivere terris?
Quidve, quod alliciat, triſtis hic orbis habet?
Cur ſobolis longo ducuntur ſtamina filo?
Debueras, Lachesis, deproperaſse colum!!! —
Te ne, decus magnum Patriae! rapuêre elementa? —
Pectoribus pasci non timuêre Tuis?
Aurea Rectoris potuiſsent templa Potentis
Urere, quae tantum ſuſtinuêre nefas!! —
„Quis credat? matri lux haec cariſsima rapta eſt,
Quâ Natum in summo vidit honore ſuum.
„Me miseram extimui — frigusque per oſsa cucurrit.
Heu mihi, quàm toto luctus in orbe fuit! —
Sic miseranda Parens — Ecclesia morte PLATONIS
Territa, ſic lacrymas fertque refertque ſuas:
„O PLATO! noſtrarum conſtans fiducia rerum!
Gloria confectae nunc quoque matris, ubi es?
„Heu modo tantus ubi es? compoſtus pace quiescis.
Omnia nunc metuo: fortior ante fui.
„Siccine dignus eras oculis inſiſtere matris?
Sic ego Te, Columen, digna videre fui?
„Hic pietatis honos? artûs amplector inanes.
Non potui summum demeruiſse DEUM?
„Jam video, mihi quid terrâve polove petendum,
Si meus abſit amor, terra polusque vale.
„Occubuit Columen, Requies, Lux Vitaque noſtra,
Nullus adeſt, miserae qui mihi ferret opem.
„Nulla meis lex dat finemve modumve querelis,
Sed parit aſsiduus se, velut hydra, dolor.
„Saepe quidem Notus obscuris tegit aethera nimbis;
Laetior in nubis mox redit ore dies:
„At mihi perpetuos contexunt funera luctûs;
Dempta nec eſt ullo ſynthesis atra die.
„Ite igitur magnis lacrymae, mea flumina, rivis,
Ite — ferite truces ora ſinumque, manûs.
Haec et plura refert; lacrymae ſua verba ſequuntur,

Oraque nec quicquam per modò questa fluunt.
Sponsa Dei! rebus tantâ impendente ruinâ,
In Te solam oculos et Tua damna refer.
Alta mane, supraque Tuos exsurge dolores,
Infragilemque animum, quo potes, usque tene!
Est Tibi — vivus adest multorum filius instar,
In cineres abiit nil nisi pars fragilis.
Ex oculis hominum quamquam turbâque recessit:
Semper in ore tamen posteritatis erit.
Fortior est coelo, *coelumque et terra peribunt:*
Ast Tua progenies sit Tibi salva prior.
Quid numeras annos? vixit maturior annis.
Acta senem faciunt, haec numeranda Tibi.
Facta Patris vivent, operosaque gloria rerum —
Haec manet — haec avidos effugit una rogos.
Desinet esse priùs contrarius ignibus humor,
Junctaque cum lunâ sydera solis erunt:
Quam violet Tua facta, PLATO! invidiosa vetustas,
Atque decus tantum deleat illa Tuum.
O PLATO! TU superas fatum, vivisque perennis,
TU Tibi post cineres ipse superstes ades.

НАДГРОБНАЯ ПѢСНЬ.

И такъ свирѣпа смерть ударъ судебъ свершила,
И жизнь безсмертнаго ПЛАТОНА прекратила. —
Уже двенадцать разъ луна скончала кругъ,
Какъ сей оставилъ міръ его великой духъ.
Нѣтъ больше Генія! — такъ Музы возклицаютъ,
И прахъ его слезой сердечной орошаютъ.
Нѣтъ больше Генія! о перворотъ вещей!
О непостижная премѣна жизни сей! —
Давноль великій жилъ — цвѣлъ — славой украшался?
Чтожъ? отъ великаго лишь прахъ одинъ остался.
Давноль Мудрецъ вездѣ являлъ чудесной духъ?
Гдѣжъ онъ теперь? какъ лучь при западѣ потухъ.
Давно ли даръ словесъ онъ разливалъ рѣками,
И имъ плѣнялъ сердца, и обладалъ умами?
Теперь уста его ужь больше не гласятъ,
Молчанья вѣчнаго на нихъ лежитъ печать. . . .
Нѣтъ больше Генія! уже Герой священный
На вѣкъ почилъ — на вѣкъ оставилъ міръ премѣнный.

Рыдайте юноши! лишились вы Отца,
Которой вамъ добро старался влить въ сердца!
Рыдайте! — та звѣзда блестящая — златая,
Чей благодѣтельный и яркій лучь сіяя
Предъ вами, озарялъ пути мірскихъ суетъ,
Померкла! — и ее на горизонтѣ нѣтъ!
Рыдайте! — нѣтъ того, кто мудростью святою
Мрачилъ подложный блескъ соблазновъ съ ихъ мечтою, —
Который — вдохновенъ, какъ Ангелъ — за собой
Велъ васъ во храмъ наукъ пріятною стезей, —

Который отражалъ небесными громами
Удары бѣдствій, — золъ, гремѣвшіе надъ вами; —
Который жизнью васъ своей одушевлялъ, —
Хранилъ — покоилъ васъ, — вашъ жребій возвышалъ, —
Нещастные! онъ мертвъ — мертвъ Геній благотворной;
Кропите прахъ его слезою непритворной! —
Вашъ мрачный жизни путь ужь онъ не озаритъ,
И вашихъ горестей и золъ не усладитъ. —
И ты Сіона дщерь! — рыдай! — твой вождь священной
Не будетъ прославлять тебя въ концахъ вселенной; —
Рыдай! въ немъ зрѣла ты подпору и покровъ, —
Съ нимъ не страшилася бурь — вихрей — и громовъ.
Цвѣла, какъ райской кринъ — какъ пальма, возвышалась,
Какъ кедръ Ливанскихъ горъ, красою величалась.
Его глаголъ твоихъ противниковъ сражалъ, —
И щастіе твое хранилъ — усугублялъ.
Его ужь нѣтъ! — но духъ — дѣла во вѣкъ пребудутъ:
Потомки никогда ПЛАТОНА не забудутъ. . . .
Онъ никогда въ душахъ потомства не умретъ;
Безсмертныхъ дѣлъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ. —
Какъ Пастырь — какъ Отецъ — о паствѣ онъ старался,
Какъ Патріотъ — судьбой Россіи занимался;
Какъ Геній — силою небесной вдохновенъ —
Кичливымъ Галламъ смерть прорекъ и гнусный плѣнъ,
Прорекъ поносный стыдъ надменна Фараона
И славу кроткаго Россіанъ Соломона. . . .

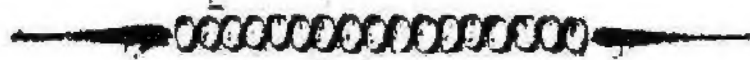
На высотѣ блистать поставленный судьбой,
Дѣлилъ онъ блага всѣмъ десницею святой. —
Былъ добръ — и злость предъ нимъ мгновенно изчезала;
Правдивъ — и лесть души его не отравляла;
Къ разврату ненависть — какъ Мужъ святый, имѣлъ,
Но человѣка въ немъ погибшаго — жалѣлъ.
Все тотъ же въ хижинѣ — все тотъ же и въ чертогѣ,
Съ спокойствіемъ въ душѣ, и съ мыслію о Богѣ,

О благосклонности фортуны не мечталъ, —
И мглу ужасную нещастій презиралъ.
Отличенъ славою, но равенъ былъ душою;
Въ величіи — всегда шёлъ среднею стезёю.

Творецъ души его первѣйшій былъ предметъ,
Всѣхъ дѣлъ его мета — всѣхъ помышленій свѣтъ.
Къ Нему въ восторгѣ чу вставъ, съ сердечнымъ умиленьемъ,
Презрѣвъ земное все, и съ пламеннымъ стремленьемъ,
Подобно — какъ орелъ къ свѣтилу дня, парилъ, —
Ему на жертву умъ и сердце приносилъ; —
Хвалилъ — пѣлъ — прославлялъ Его — Ему дивился;
Ему печаль ввѣрялъ — предъ Нимъ и веселился,
Жаждалъ узрѣть Его величія чертогъ, —
Онъ въ Богѣ былъ одномъ, и въ немъ единъ былъ Богъ...
Уже лѣта его ко западу склонялись,
Власы сѣдинами, какъ снѣгомъ, убѣлялись;
Уже смерть алчная нося повсюду страхъ,
Готовилась занесть свой роковой размахъ. —
Какое зрѣлище! ПЛАТОНЪ — блюститель Вѣры,
Готовый вознестись превыше тлѣнной сферы,
Въ чертахъ разительныхъ великой духъ явилъ; —
Былъ тѣломъ на землѣ, но духомъ въ небѣ былъ; —
Считая жизнь за сонъ, а смерть за обновленье,
Безъ страха ожидалъ онъ тѣла разрушенья, —
И — съ радостью въ душѣ, съ спокойствомъ на челѣ,
Что принялъ отъ земли, оставилъ то землѣ. —
А духъ его, стремясь въ объятія отчизны,
При блещущей зарѣ безсмертной новой жизни, —
На быстрыхъ крыліяхъ какъ пламень воспарилъ,
И съ восхищеніемъ Творцу себя вручилъ.

Другъ человѣчества! о! Пастырь незабвенный —
Любимый церкви сынъ! Мудрецъ благословенный!

Нѣтъ — нашъ Отецъ! Ты живъ для насъ — не умеръ Ты! —
Здѣсь нѣтъ Тебя: — но зримъ вѣздѣ твои черты. —
Присутствіе твое вездѣ мы ощущаемъ,
Вездѣ твой духъ — дѣла — всего Тебя срѣтаемъ;
Ты живъ для насъ — и се! простри свой кроткій взоръ
На землю — на Сіонъ — на Музъ священный хоръ!
Онѣ въ душахъ своихъ Тебя благословляютъ; —
Съ благоговѣніемъ сердечнымъ посвящаютъ
Тебѣ хвалебну пѣснь — какъ чистый ѳиміамъ.
Простри свой взоръ! — но нѣтъ! — ничто витійство тамъ,
Гдѣ слава подвиги безсмертныя вѣнчаетъ,
И въ неизгладимыхъ чертахъ изображаетъ. . . .
Краснорѣчивая Великому хвала —
Неизъяснимыя Великаго дѣла. . . . .

ПАМЯТНИКЪ.

Уже Титанъ огнеперматый
Отъ Запада въ послѣдній разъ
Блеснулъ ярчѣй — и лучь крылатый,
Разсыпавшись средь тьмы — погасъ.
Простерся мракъ по тверди звѣздной,
Туманной столбъ возсталъ надъ бездной, —
Спустилась ночь на дольній міръ.
Природа сѣтуетъ, — вздыхаетъ; —
Съ слезами солнце провожаетъ;
Грустить земля — грустить эфиръ.

Проходитъ ночь — и трусть проходитъ —
Въ одно мгновеніе со тьмой;
Блаженство съ утромъ вновь приходитъ
На весь подлунной шаръ земной.
Природа съ свѣтомъ воскресаетъ;
Она на тверди созерцаетъ
Опять тогожъ вождя свѣтилъ;
Увѣнчанъ новыми лучами,
Разливъ повсюду огнь рѣками, —
Всю тварь Фебъ снова оживилъ.

Но Ты — нашъ вождь Богоизбранный!
О Пастырь! — Солнце нашихъ дней!
Почто свой блескъ Ты лучезарный
Отъ нашихъ днесь сокрылъ очей? —
Почто къ намъ взоръ твой не сіяетъ,
И мракъ лучемъ не оживляетъ? . . —
Почто Ты западъ свой позналъ?
Почто — О Іерархъ священный!

Великій, — чудный, — незабвенный
ПЛАТОНЪ! почто свѣтить престалъ??

Ужь ночи скрылся мракъ унылой, —
Цвѣтетъ лице природы всей; —
Ужь солнце блещетъ надъ могилой: —
Но Ты — спишь безпробудно въ ней . . . .
И се! — Сатурновъ слѣдъ мелькаетъ —
И годъ мгновенно протекаетъ —
Но ахъ! — ПЛАТОНА въ свѣтѣ нѣтъ! —
О сколь несчастны мы судьбою!
Уже надъ нашею главою
Нашъ Фебъ во вѣки не взойдетъ . . .

И онъ во мрачномъ гробѣ скрылся! —
И *тотъ холоднымъ прахомъ сталъ*,
Кѣмъ хладный Сѣверъ весь живился,
Кого и Западъ прославлялъ;
Чья слава и въ концахъ вселенной,
Какъ гулъ громовой отдаленной,
Немолчно испускала звукъ;
Кто жилъ лишь для другихъ блаженства, —
Кто былъ примѣромъ совершенства, —
Кто человѣчества былъ другъ. —

И тотъ — кто съ юности до гроба
Весь вѣкъ свой Богу посвятилъ,
Кого страшилася и злоба, —
Предъ кѣмъ и адъ безсиленъ былъ;
Чей духъ средь суетныхъ волненій
Не зналъ ужасныхъ измѣненій,
И былъ какъ солнце чистъ всегда;
Умомъ кто къ небу возвышался,
Земнымъ ничемъ не обольщался,
Не жилъ для міра никогда —

Кто наглость, буйство и пороки
Вездѣ — всегда изобличалъ,
Владыкамъ кто давалъ уроки,
Вельможей словомъ поучалъ,
И не оружьемъ, не громами;
Но лишь едиными устами
Нечестія сыновъ разилъ;
Защитникъ бывъ святыни, Вѣры,
Расколовъ, — ересей химеры
Крестомъ Христовымъ упразднилъ —

И тотъ, — кто каждой часъ старался
О благоденствѣ чадъ своихъ,
Кто ихъ весельемъ — восхищался,
Въ печали — кто скорбѣлъ за нихъ;
Какъ пастырь добрый былъ для стада,
Прибѣжище — покровъ — ограда
И щитъ отъ всѣхъ ужасныхъ бѣдъ; —
Кто всѣхъ питалъ своей рукою,
Дышалъ повсюду правотою —
И былъ какъ бы во свѣтѣ — свѣтъ —

И тотъ — чей гласъ, — чье мановенье
Одушевило мрачный лѣсъ,
Гдѣ Музъ блаженное селенье
Челомъ возникло до небесъ,
Изъ праха кѣмъ создались храмы,
И возкурились фиміамы
Предъ трономъ мудрости святой;
И тотъ великій — несравненный —
Лежитъ днесь въ прахѣ погребенный . . .
И тотъ покрылся смерти тьмой! —

О смерть! — тиранъ неумолимый!
О грозный бичь природы всей!

Ужель сей Мужъ, достойно чтимый,
Быть долженъ жертвою твоей? —
Ужель толикія дѣянья,
Отблески вѣчнаго сіянья,
Передъ тобою какъ фантомъ? —
И ты сѣдинъ не пощадила,
И ты почтенья не явила
Предъ освященнымъ симъ челомъ!! —

Но ахъ! — судьба не премѣнится:
Законъ природы вѣченъ, — святъ. —
Тотъ долженъ къ персти возвратиться,
Кто былъ отъ персти прежде взятъ.
И можетъ ли сынъ бренный тлѣнья
Не знать во вѣки разрушенья? —
Нѣтъ! смертнымъ тварямъ смерть удѣлъ.
Напрасно люди жизнью льстятся,
Ихъ всѣ надежды сокрушатся;
Могила — вотъ для всѣхъ предѣлъ!

За гробъ никто шагнуть не смѣетъ,
Здѣсь всякой смертный долженъ пасть! —
Здѣсь и гигантъ во прахѣ тлѣетъ, —
Его ничтожна сила — власть.
Ни діадимы, — ни короны, —
Ни лавры, ни вѣнцы, — ни троны
Людей отъ смерти не спасутъ.
И полубогъ — Герой вселенной,
Равно какъ самый рабъ презрѣнный,
Всѣ въ бездну тлѣнности падутъ. —

И Ты закону покорился,
Благословенный сынъ небесъ!

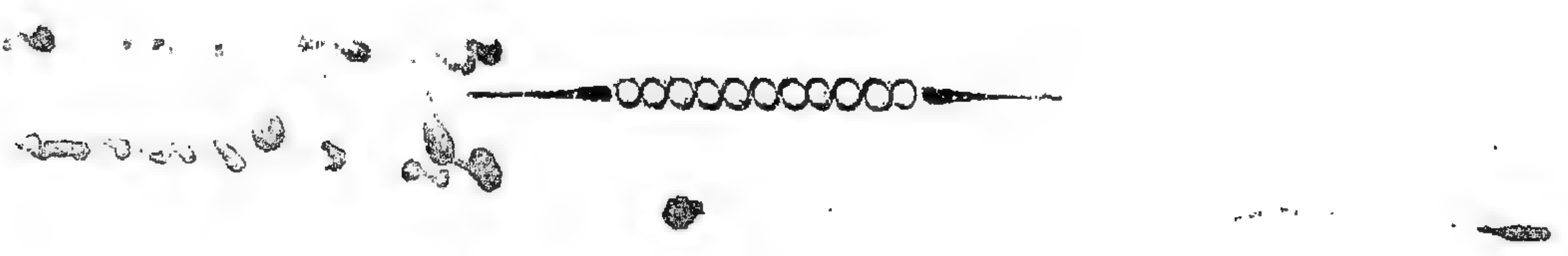
И Ты въ персть бренну обратился!
Нѣтъ, — нѣтъ! Ты живъ, — Ты не исчезъ
Лишь плоть твоя познала тлѣнье,
Она земное порожденье; —
Но духъ твой съ славою живетъ
Онъ тамъ — и въ небесахъ витаетъ, —
И здѣсь насъ въ мірѣ утѣшаетъ
Онъ живъ — онъ въ вѣки не умретъ.

Друзья людей — безсмертны вѣчно —
Ихъ имена живутъ въ сердцахъ.
Пусть время мчится быстротечно
И обращаетъ все во прахъ;
Падутъ въ обломкахъ пирамиды,
Изчезнутъ всѣ прелестны виды;
Но сердце — вѣчный мавзолей; —
И что на немъ изобразится,
То никогда не измѣнится;
Оно всѣхъ мраморовъ прочнѣй.

И днесь Сократы не забыты, —
Хотя Эллады больше нѣтъ;
И днесь сіяютъ славой Титы,
Хоть Римъ давно ужь не цвѣтетъ.
Во вѣки имя Филарета
Пребудетъ памятнымъ для свѣта;
И Ты безсмертенъ Іерархъ —
Пусть гробъ твой точитъ червь несытый; —
Но Ты — о Пастырь знаменитый —
ПЛАТОНЪ! Ты будешь живъ въ сердцахъ.

Твои хвалы во вѣкъ пребудутъ, —
Не увядаемъ твой вѣнецъ.

Тебя потомки не забудутЪ; —
Ты былЪ для РоссихЪ МузЪ ОтецЪ.
Ты былЪ — нещастнымЪ покровитель;
ЗащитникЪ Церкви — и Учитель;
Ты былЪ — — — Тебя ли позабыть?
И горы вЪ прахи сокрушатся, —
И бездны вЪ морѢ изсушатся, —
Но ты — Великій! — будешь жить.

ΤΕΛΕΥΤΗ ΕΚΛΕΚΤΟΥ ΤΟΥ ΘΕΟΥ.

Φεῦ! πόσον πλῆθος τῶν δακρύων
Ζητεῖ ἡ μνήμη τȣ̃ Ἀιδρὸς,
Τȣ̃ ἐκλεκτȣ̃ Θεȣ̃ ἐκ θείων,
Ἀποθανόντος ἱλαρῶς.

Αὐτὸς δικαιωθεὶς νὰ ζήσῃ
Πα ευκλεῶς καὶ ἐυπρεπῶς,
Π κρίνει θλίψεως ἐν δύσει
Τῆς ἀναῤῥήτȣ παντελῶς.

Ὁπόταν χαίρονται καὶ ἄλλοι
Ἐν τῇ ζωῇ τȣ̃ μαθητῇ,
Καὶ τότε ἡσυχία θάλλει,
Ἀλλὰ μακαρία ει τελευτή.

Καθὼς ἡ τελευτὴ Μωσέως
Ἔβρεχε τὸν Ἰσραήλ.
Οὐαὶ ἡμῖν — Πατρίδος κλέος —
Μὰς ἄφησε θερμὸς Πατήρ.

Δὲν πλέον ἔχομεν Πατέρα,
Οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ὀρφανοῖς!
Καὶ τῶν Ἱερομένων σφαῖρα
Βαρυνομένη — δυστυχής.

Πολέμου ὅπλα τὴν καρδίαν
Ἐκθλίβουσι μὲν φοβεράς,
Θανάτου δ' ὅπλα τραυματίαν
Πληγοῦν ἐκ μνήμης τοῦ Πατρός.

*

Ἰδοὺ τοῦ ΠΛΑΤΩΝΟΣ ὁ τάφος
Κρατεῖ εὐδαιμονίαν μας,
Ἀλλὰ ψυχῆς ἡμῶν τὸ βάθος
Κρατεῖ Αὐτοῦ τὰς ἀρετάς.

*

Καὶ ἂς σταλθῇ Ἀρχιποιμένος
Αὐτοῦ τὸ πνεῦμα εἰς τὴν γῆν,
Παρηγορίαν φαινομένως
Νὰ χύσῃ κλαίουσιν ἡμῖν! —

Grab-Lied.

Wer betritt das Reich der Todten,
Mit dem Jesus-Kreutz geziert?
Wer ist von dem Gottes-Bothen
In die Ewigkeit geführt?
Purpur schmücket seine Haare,
Lorbeern kränzen Silberhaare.
Wer? . . . Ich höre diesen Ton:
„Der glorreicheste Platon!"

Er ist todt — des Rußlands Ehre
Und der Kirche Schutzgeist todt? —
Was hat Ihn für eine Sphäre
Und verborgen? . . . Rechter Gott!
Du hast Deinen allen Frommen
Ihren Engel abgenommen! . . .
Weine, heilger Helikon!
Du hast keinen mehr Patron! —

Ihr, die Ihr die wahre Schätze
Und der Menscheit Pflichten kennt,
Die, die Wahrheit der Gesetze
Ihres Herzens Zierde nennt,
Kommt, dem Manne Heil zu sagen!
Er, in seines Lebens Tagen,
Aller Unser war Patron.
Weine, weine Helikon!

Weisheit! Freundinn guter Seelen,
Die den Preis den Menschen giebst,
Und mit heilsamen Befehlen
Unser Leben hier regierst,

Komm, die Trähnen zarter Leute
Mit den deingen zu begleiten! . . . .
Weine, weine Helikon!
Du hast keinen mehr Patron!

Tugend! die der Erden Söhne
Himmelsbürgern ähnlich machst,
Die mit unbeschriebner Schöne
Aus des Weisen Augen lachst,
Komm, mit deinen sanften Zähren
Den Beschützer zu beehren! —
Ihn — des Glaubens treuen Sohn,
Aller Tugenden Patron!

Er ist todt! — doch seine Thaten,
Süße Früchte keuscher Brust,
Und unendliche Wohlthaten,
Seine hochgepriesne Lust,
Werden immer prächtig glänzen,
Wie die Rosen in dem Lenzen.
Selig war Er in der Zeit:
Selig ist in Ewigkeit!

Heil Dir — Licht der grosser Lichter!
Männenspiegel! Glaubens Held!
Mit den Blumen, weiser Richter!
Ist geschmückt dein Lebens-Feld!
Ewig grünt dein Grabesgügel! . . . .
Ruhm schlägt seine goldnen Flügel
Um Ihn bis in Ewigkeit! . . .
Beuget sich vor Ihm die Zeit . . .

Und er steht uns wie ein Zeichen,
Wie ein festes Gottespfand,
Daß das Glück wird nie entweichen
Von dem liebsten Vaterland.

Fülle so mit deinem Lichte,
Vater, unsere Geschichte! —
Wie die Sonne groß und rein
Ist dein Hold — mild — reicher Schein.

Alle Schönheit dieser Erden,
Selbst der Sonne Wunderpracht
Wird in Nichts verwandelt werden
Und in ewig finstre Nacht.
Allen Dingen, die wir sehen,
Die Gestalt wird dann vergehen.
PLATO! deiner Thaten Glanz
Hat des Himmels Lorbeer-Kranz!

Bis die Erde, Pole stehen,
Bis der Feste Grund uns trägt:
Wird dich, Vater, noch erhöhen
Unser Geist von Dank erregt.
Späte Nachwelt, dich zu preisen,
Soll auf deinem Grabmal lesen:
„So lang dieses Weltall steht,
„Sey dein grosser Nahm erhöht!!!"

Il n'eſt plus, cet illuſtre Sage,
Tant admiré pour ses vertus,
Tant audessus de tout hommage,
Platon est mort, Platon n'est plus. —

Ce chef d'oeuvre de la nature,
Qui méritoit d'être immortel,
Est déja dans la sépulture;
Il ne brille plus ce ſoleil —

Qui pénétroit toute la terre
De ses rayons majestueux! —
Qui ne plaindroit pas notre Père
Grand, doux, bienfaisant et fameux?

Son nom plein d'éternelle gloire
Est mis au rang des plus grands noms
Dans le temple de la Mémoire. —
Peut-on vous oublier? — Platon!

C'est vous, o Pasteur adorable!
C'est vous dont les soins généreux,
Dont la main prompte et sécourable
A daigné combler tous nos voeux! —

Indulgent avec grace austère,
Tout entier à l'humanité
Il se fit un bel art de plaire
Surtout par la douce bonté. —

Cet ornement de la patrie,
Hélas! ne frappe plus nos yeux;
Le cours de son illustre vie
A commencé dans d'autres cieux.

Il ne nous reste qu'à répandre
De larmes, ce faible tribut,
Qui n'appartient qu'à ces vertus;
Que l'on ne sauroit jamais rendre!

Platon éternisa sa gloire,
Son nom sera béni toujours,
Ses faits consacrés par l'histoire
Doivent immortaliser ses jours! —

CUPRESSUS.

Quaenam te ratio, quis te tam caſus acerbus
Mutavit miſerè, rerum Natura genitrix?
Impar, diſſimiliſque tuî, moerore gravata,
Induis atroces vultûs, rugaſque ſeveras.
Quae tibi fata venire times? quid moeſta? quid? eheu!
Amplius haud ardet viridis aurora rubinis,
Veſperis eſt ſimilis denſi, pars prima diei,
Mane quidem non rore, ſed imbribus omne madeſcit,
Et liquor, ut lacrymae, de nubibus irruit atris.
Heu! vapor oppreſſit terrae circumfluus orbem.
Noctis moeſtities, duplicataque cernitur umbra:
Aurea terrificis obcoècat ſidera nimbis,
Luna, decus noctis, pallens abſconditur ipſa,
Ne videat fletum coeli terraeque ferocem.
Non ſpirant Zephiri, non quaelibet aura ſecunda
Afflatû leni fovet aëra craſſa liquore,
Et tantum venti ſua murmura caeca volutant.
Ipſa parat greſſûs borealis bruma feroces,
Emoritur, quodcunque viret, ſub frigore duro,
Flora videt flores, fructûſquè perire Pomona,
Atque Ceres laetas ſegetes, Dryadeſque perire.
Jam lugent nemorum frondes, campoſque Satyri. —
Aſt ego quam video de terrâ ſurgere frondem?
Quî ſtetit haec arbos ramis et frondibus ampla
Tempore tam duro, quo cuncta cadunt? ſtupet, eheu!
Mens ſtupet, agnoſco, ramos, agnoſco per iſtos
Plenos triſtitiae ſignis, te fons et origo
Luctûs, agnoſco, lacrymarum cauſa, Cupreſſe!
Vae! tibi magna parens rerum, Natura profunda,

Vae! tibi, cui tantum, tam durum funeris atri
Moesta paras signum? num finis flebilis instat,
Aut postrema dies rerum? num mortis iniquae
Nescia vis flecti nunc omnia funere mergat?
O utinam prorsus de me nunc visus abesset!
Eloquar, an taceam? proh! haeret lingua palato.
Eloquar, ah! gelidum mox sentio corde timorem.
O Pater omnipotens! o magni Rector olympi!
Pone minas, statuas finem cruciatibus istis.
Eloquar, o miseram sortem! vae! cerno cupressum,
Tecturam tumulum (proh! horrida fata) PLATONIS.
Cur ego non moriar, referens hoc potius ipse? . . .
Lugeat alma parens rerum Natura, cohorsque
Lugeat astrorum, nunc lugeat aether et aura.
Fundite nunc lacrymas et vos animalia cuncta,
Et tu terra ferax, et tu cum fluctibus aequor,
Et tu, quae faciem noctis dispergis opacam
Ipsa, comes miserûm fidelis, lucida luna;
Et tu, qui radiis totum circumspicis orbem,
Sol, decus immensi mundi, fons luminis amplus,
Tu quoque progenies moestae moestissima terrae
Flebis cupressus, fletum motura perennem.
Quem tua, quem condunt lacrymanda cacumina solem?
O! melius facies fulgebat sole PLATONIS,
Et melius, quam clara dies, vividius ipso
Vere novo, Zephyro miti placatius omni,
Et quasi coelesti virtutis amicius ore.
Quem, loquor, occultant tua densa cacumina Solem
Pallida cupressus? Plato divus, solis imago,
Verius ipse fuit radians Sol luce tenebras,
Barbariemque feram pellens, animosque feroces
Reflectens hominum, dictisque salubribus ipsa
Corda levans sine spe, sine fide Dei, sine certo
Virtutis merito, coelesti lumine fulgens.
Nonne magis quam sol, vel sole salubrior ipso

Ille fuit? fuit, heu! tumulo nunc clauditur atro.
Fundite nunc lacrymas, qui curâ luminis almi
Faucibus erepti fati, vinclisque soluti.
Flebis cupressus, fletum motura perennem,
Nam tegitur tumulo miserûm Benefactor in isto.
Semper erat miseris manus ah! expansa PLATONIS,
Nec facie fuerat cum flente reversus ab ipso,
Quisquis opem quaerens pauper vel quisquis egenus.
Fundite vos, quibus est clementia nota PLATONIS.
Solvite de tumulo nunc voce gemente Patronum.
Surge, Pater, nobis, qui nobis carior ipsis,
Nunquam surdus eras ad nostra precantia verba.
Surge salus tumulo deflebile, surge, videbis,
Quam graviter sortem post Te ploremus acerbam,
Quam miseri simus heu! nunc post tua fata manentes.
Ah! *si non penetrat Patris jam luctus ad aures*,
Nilque juvant gemitûs, ah! si lux alma recessit,
Nec spes ulla datur miseris; heu! claudat opacus
Idem nos tumulus, nunc tristi voce precamur.
Tu quoque cupressus, tumulum tectura Platonis,
Tu quoque non reneges artûs ah! condere nostros.
Nam quid erit, sine Te nobis, o summe Virorum,
Vivere? proh! quid erit? quid? morte ferocius ipsâ.
Flebis cupressus, fletum motura perennem.
Nam jacet hoc tumulo, Vir toto maximus orbe,
Vir, cui tanta fuit mens, tanta scientia rerum,
Ut longe ingenio praepolleat omnibus unus.
Hic, qui dignus erat sese praebere magistrum
Regibus, hic, qui magna suae sit gloria semper,
Atque decus Patriae, famâ super aethera notus,
Deliciae terrae, qui post sua fata superstes
In Patriae gremio, Patriaeque in pectore vivat.
Inter Pastores homo maximus ille resurgit,
Ac homines inter Pastor vel maximus iidem.
Flebis cupressus, fletum motura perennem.

Nam jacet hoc tumulo Muſarum divus Apollo.
Divus Apollo! quid? o Musae! quid verberat aures?
Fundite moeſta cohors Heliconia, fundite queſtûs,
Fundite, lumen enim veſtrum proh! clauditur atris
In nebulis, prorsus nunc clauditur, atque relinquit
Parnaſsum, qui clarus erat, nunc noctis in umbrâ,
Umbrâ triſtitiae: vae! gaudia cuncta vaneſcunt.
Promite, Pierides, moeſto de pectore cantûs
Funereos, chordisque lyrae nunc edite queſtûs,
Nec quibus eſt aliquid, nec poſsit triſtius eſse.
Perdere quid ſupereſt, ſupereſt abſente PLATONE?
Perditis omne ſimul miserae, si perditis ipſum;
Nam fuerat vobis hic ſemper, et unus, et omne.
Moecenas, Praesul, Pater, Auctor, Apollo, Magiſter,
Nomina tanta latent in nomine cuncta PLATONIS.
Flebis cupreſsus, fletum motura perennem;
Claudit Paſtorem tumulus triſtiſsimus iſte.
O grex Chriſtiadum! lacrymas da munera digna
Tanto, tam vigili, fido Paſtore salutis.
Temporis eſto memor crudi, quo perfidus hoſtis,
Omne timore replens, violentaque cuncta relinquens
Omnes, quisquis erat, mactabat mortis ad aram;
Ille tamen minus ipse tremens, minus atque ſaluti
Providus ipse ſuae, magis ah! ſervanda putabat
Paſcua Chriſtiadum. — Majus quid poſsit haberi? . . .
O Paſtor noſtrûm! cur pascua moeſta relinquis?
Ah! ſine Te, ſine Te quo nos vertamus iniquâ
Sorte premente? Simus quo tandem tegmine tuti?
Flebis cupreſsus, tumulum tectura PLATONIS,
Flebis cupreſsus, fletum motura perennem.
Alme PLATO! decus ah! noſtrum, tutela ſalusque,
Quae Tibi pro meritis, quae ponere munera digna
Poſsumus heu! moesti? lacrymas ac corda vovemus
Moeſtitie lacerata, [illegible] ah! quid majus haberi
Poſsit, ubi Tu lux de nobis alma recedis? —

Tu vivas, animis haerens ac pectore noſtro,
Longaque poſteritas etiam monumenta locabit,
Ac decoret tumulum ſignis, quae digna PLATONE.
Cerneret iſta nepos, ac cernens ſit memor hujus,
Quo Te noſtra ſalus, quo perdimus, Alme, diei
Sit memor, ac longis ut queſtibus impleat omne.
Alme PLATO! noſtrûm pax, pace fruere perenni,
Vive Deo, noſtriſque animis, poſt funera vive.
Tu quoque cupreſsus, tumulum tectura PLATONIS,
Ah! Flebis ſemper, fletum motura perennem.

КЕНОТАФІЯ.

Дикіе вопли Природы —
Пустынный шорохъ глухой,
Ревъ вихрей и непогоды —
Смолкните передо мной!
Творческій перстъ Оссіана
Коснися струнъ золотыхъ!

*

Пламенныхъ вихрей удары —
Изступленный ужасъ войны —
Злобныя крики Мегары,
Милой бѣгите страны!
Хладныя смерти на лонѣ
Славяновъ Барда пою!

*

Дней Его сумракъ прелестный
Въ пустынѣ тихой мерцалъ.
Свѣту дѣлами извѣстный
Жизнь тамо въ мирѣ кончалъ.
Доблестьми старость сребрилась,
Кипѣла Вѣра въ груди.

*

Церковь въ священное лоно
        Пріявши отъ дѣтскихъ пеленъ,
Вѣрнаго стража закона
Россамъ представила въ Немъ —
Въ юности — старымъ подпору.
        Въ сѣдинахъ — юнымъ Отца.

Отъ колыбели избрали
        Покровомъ Музы своимъ,
Нектаромъ чистымъ питали,
Съ гордостью славились Имъ.
Славой воспитанъ, водимый
        Славянинъ вѣрный Онъ былъ.

Суетныхъ прелестей свѣта
        Побѣдою — юность славна,
Бодростью — зрѣлыя лѣта,
Мудрость — въ сѣдинахъ видна:
Смерть Его — отблескъ дѣяній —
        Небесной дышетъ красой.

Туча сѣдая крылами
        Воздухъ багровой сѣчетъ —
Путникъ осыпанъ громами,
Свѣта за бурями ждетъ:
Громы престали. . . . но въ небѣ
        Послѣдній Фебовъ мретъ лучь.

Пепломъ холоднымъ покрытый,
Чугунный мечь споргнулъ съ раменъ
Древностью градъ знаменитый —
Къ Пастырю взоръ вознесенъ —
Ждетъ въ Немъ отрады: . . . во гробѣ
На вѣки Пастырь заснулъ.

Мрачной завѣсой покрыты,
Лишенны жизни, красотъ,
Мудраго блѣдны ланиты,
Сердце остыло, какъ лёдъ,
Замерли вздохи — на персяхъ
Согбенны руки крестомъ.

Всюду носима на крылахъ,
Съ немолчною Слава трубой
Доблестей рѣдкихъ въ сѣдинахъ
Свѣтъ удивляла хвалой,
Крыла поджавши у гроба,
Не смѣетъ прочь отлетѣть.

Въ поздныя лѣта согбенный
Съ сынами старецъ придетъ,
Тихимъ отзывомъ плѣненный,
Къ гробу предъ Славой падетъ,
Юность въ груди пробудится,
Съ восторгомъ скажетъ сынамъ.

„Праведникъ смерти не знаетъ,
„Великій по смерти живетъ!
„Время съ землею сравняетъ
„Пышныхъ трофеи побѣдъ:
„Въ памяти будетъ жить вѣчно,
„Какъ фениксъ, имя его!“

